

На правах рукописи

Саламатова Марина Сергеевна

**ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РСФСР (1918–1936 гг.):
ИНСТИТУТЫ, МЕХАНИЗМЫ, ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск
2026

Работа выполнена
в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки
Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант:

доктор исторических наук,
профессор

Красильников Сергей Александрович

Официальные оппоненты:

Безгин Владимир Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный технический университет»;

Гаврилов Станислав Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой государственного и административного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»;

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Защита состоится 8 октября 2026 г. в 11 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.1.067.02, созданного при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН) по адресу: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, каб. 300

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН и на сайте Института истории СО РАН <http://iisoran.ru>

Автореферат разослан « __ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических
наук

О. Н. Полянская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность. Советская избирательная система, просуществовавшая с 1918 по 1936 г., вызывала острые дискуссии с момента своего возникновения и до сих пор актуализирует неоднозначные суждения историков и правоведов. Восхваление ее достижений советскими обществоведами и обесценивание современными исследователями не способствуют формированию объективной оценки советского избирательного опыта. Несмотря на существенные достижения в исследовании отдельных тем, связанных с электоральной историей, общепризнанной концептуальной оценки раннесоветской избирательной системы пока не сформулировано. Прошедшее столетие с момента принятия Конституции 1918 г. обозначило потребность в научном междисциплинарном осмыслении роли выборов в легитимации власти, механизмов функционирования избирательной системы, особенностей ее институционализации, электоральных практик и стратегий.

Ретроспективный анализ раннесоветской избирательной системы, помимо научного и познавательного, имеет и политическое значение. Изучаемая тема актуальна для анализа современного состояния российской политической системы, находящейся в поиске эффективных форм устойчивого функционирования и взаимодействия власти с населением. Неотъемлемой частью такого взаимодействия выступает институт выборов. Модель избирательной системы, реализуемая в современной России, существенно отличается от идеальных теоретических конструкций и характеризуется отсутствием действенных механизмов учета мнения и потребностей населения, аполитичностью и пассивностью граждан государства. Истоки формирования неэффективной модели взаимоотношений общества и власти, формализации избирательного процесса, недостаточной зрелости правового и политического сознания граждан в современной России в немалой степени обусловлены особенностями дореволюционной и советской политической истории.

Исследование института выборов и избирательной системы имеет непосредственную проекцию и на сферу массового общественного сознания. Отсутствие значимого электорального опыта у большинства советских избирателей и сформировавшихся политических предпочтений накладывалось на жесткое подавление государством любых протестных стратегий и навязывание однопартийной избирательной модели, порождало имитационные формы участия в политической жизни государства и препятствовало развитию электоральной культуры. Следствием этих негативных факторов в современных реалиях стали политическая апатия, сформировавшиеся стереотипы государственного патернализма, низкий уровень рационализации электорального выбора российских избирателей и неразвитая партийная система, оказывающие мощное деформирующее влияние на функционирование современной политической системы.

Степень изученности темы. Изучение избирательной системы и в более широком смысле электоральной проблематики 1920–1930-х гг. имеет значительную традицию как в советской, так и в современной отечественной историографии. Междисциплинарность и многоаспектность темы позволила общественоведам из различных сфер внести значимый научный вклад в ее исследование. Историографическое изучение темы имеет два выраженных этапа: советский (1920–1980-е гг.) и современный (1990–2020-е гг.). В рамках советского этапа выделим следующие различавшиеся между собой периоды: 1) 1920–1930-е гг.; 2) 1940–1950-е гг.; 3) 1960–1980-е гг. Современный историографический этап включал начальный период переосмысления прежних и поиска новых подходов к проблеме (1991–1994 гг.), а также последующее за этим время исследований на основе современных методологических подходов (1995–2020-е гг.).

Объединяющей особенностью советской историографии стало изучение избирательной системы на основе марксистско-ленинской концепции, классового подхода при интерпретации процессов и событий в данной сфере в соответствующей этому терминологии. Первый этап советской историографии (1920–1930-е гг.) характеризовался разработкой идеологических подходов к оценке советской избирательной системы и обобщением практики проведения избирательных кампаний.

Осмысление советской избирательной системы началось в 1920-е гг. и было во многом обусловлено практической потребностью выработки аргументированной доктрины как для использования в агитационных материалах, так и для подготовки партийных и советских работников на различных курсах и в институтах. Ключевые постулаты советской избирательной системы были сформулированы основателем Советского государства В. И. Лениным в статье «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной в ноябре 1918 г. Аргументы Ленина о противопоставлении буржуазной и «подлинной советской» демократии¹, вынужденном характере введения меры по ограничению прав буржуазии стали каноническими и впоследствии разрабатывались на фактологическом материале и популяризировались советскими правоведами и историками вплоть до конца 1980-х гг.

Наиболее значительный вклад в разработку доктрины советского избирательного права в 1920-е гг. внесли С. М. Бродович, Г. С. Гурвич, Д. А. Магеровский, Г. С. Михайлов, Е. Б. Пашуканис и П. И. Стучка. В работах советских правоведов обосновывалась уникальность советской избирательной системы, ее сущностные отличия как от предшествовавшей имперской, так и от европейских буржуазных систем².

---

¹ Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 37. С. 257.

² Бродович С. Основные элементы советской избирательной системы // Власть Советов. 1923. № 4. С. 35–70; Гурвич Г. С. Основы советской Конституции. М.-Л., 1929; Стучка П. И. Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. Л., 1927.

В 1920-е – начале 1930-х гг. избирательные кампании становятся объектом пристального внимания в среде советских практических работников, что выразилось в появлении целого ряда работ, посвященных рассмотрению новелл избирательного законодательства и обобщению практики его реализации³. Содержательно работы советских и партийных работников носили агитационно-пропагандистский и описательный характер, не отличались высоким уровнем обобщений. При этом ценность их очевидна: работы написаны в ходе и по итогам избирательных кампаний и содержат не только оценочный, но и конкретный, эмпирический материал о проблемах, возникавших в ходе проведения выборов.

Трансформация политической ситуации в 1930-е гг. привела к существенному изменению работ, в публикациях стали преобладать пропагандистские клише, априорные утверждения и ссылки на классиков марксизма-ленинизма. После принятия Конституции 1936 г., введения всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права работы исследователей приобретают апологетический характер.

В рамках второго периода советской историографии (1940–1950-е гг.) отмечалось усиление официозно-догматических тенденций. Советская избирательная система, введенная Конституцией 1936 г., рассматривалась как торжество советской демократии, а существовавшие до нее – первый этап, позволивший сформировать и укрепить основы Советского государства⁴. Выходившие работы носили преимущественно обзорный пропагандистский характер.

Третий период советской историографии (1960–1980-е гг.) стал весьма плодотворным для исследования избирательной проблематики, существенно расширился круг рассматриваемых вопросов, в научный оборот был введен значительный объем источников.

На рубеже 1950–1960-х гг. происходит отход от пропагандистских штампов в работах исследователей и начинается собственно научное осмысление советской избирательной системы. Становление системы советских органов государства, история первых советских конституций, формирование избирательной системы и права нашли отражение в работах П. Г. Василенкова, Т. Д. Зражевской, А. И. Кима, В. Ф. Котка, А. И. Лепешкина, О. И. Чистякова, В. П. Портнова, М. М. Славина, В. Г. Филимонова⁵.

Несмотря на определенные достижения в исследовании сущностных особенностей советской избирательной системы, на доктринальный анализ советского избирательного права, методологическая ограниченность классовой марксистской парадигмы не позволила советским правоведам и государствоведам

---

³ Владимирский М. Организация Советской власти на местах. М., 1921; Киселев А. Как избирать в Советы. М., 1927; Зайцев П. Кого и почему советская власть лишает избирательных прав. М., 1930.

⁴ Ронин С. Л. Первая Советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.). М., 1948.

⁵ Василенков П. Г. Избирательная система СССР. М., 1956; Портнов В. П., Славин М. М. Этапы развития советской Конституции. М., 1982; Ким А. И. Советское избирательное право. Вопросы теории, избирательного законодательства и практики его применения. М., 1965.

сформировать объективную оценку раннесоветской избирательной системы, ее институтов и принципов. Основные оценки раннесоветской избирательной системы исследователей в 1980-е гг. не отличались от позиций первых советских правоведов 1920-х гг., доказывавших превосходство социалистической избирательной системы над капиталистической, а все нарушения и ограничения оправдывали «революционной целесообразностью».

В исторических исследованиях в 1960–1980-е гг. сюжеты, связанные с выборами, изучались в рамках следующих основных тем: первые избирательные кампании после прихода к власти большевиков; выборы как часть деятельности городских и сельских Советов; руководство партийных органов советским строительством (в том числе выборами). Отдельные аспекты избирательных кампаний (противоборство различных социальных слоев на выборах) рассматривались в исследованиях, посвященных классовой борьбе и ликвидации «эксплуататорских классов».

Сложности проведения первых избирательных кампаний в городах и деревне, особенности перехода от ревкомов к Советам, формирование Советов и исполкомов исследовались в работах В. Т. Агалакова, Е. Я. Андреевко, В. М. Андреева, Е. Г. Гимпельсона, А. Л. Литвина, И. М. Разгона, В. И. Шишкина и др. Исследователи реконструировали ход первых избирательных кампаний в Советы как на уровне всей советской республики, так и отдельных регионов, процесс формирования и динамику изменения составов избранных Советов. А также установили отсутствие единого порядка выборов, норм представительства и круга избирателей в городские и сельские Советы, наличие значительных региональных особенностей избирательного процесса⁶.

Основательный анализ выборов 1920–1930-х гг. был проведен в работах, посвященных деятельности городских и сельских Советов и партийного руководства советским строительством. В большинстве таких работ присутствовал раздел о формировании Советов и съездов, в котором исследователи раскрывали особенности организации и проведения избирательных кампаний в городские и сельские Советы, анализировали сформированные составы Советов. Наибольший вклад в изучение перечисленных вопросов внесли труды Н. М. Алещенко, В. П. Андреева, Н. Я. Гущина, Г. С. Еськова, А. Ф. Калинин, Ю. С. Кукушкина, Ю. В. Куперта⁷.

В переходный период историографии (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) выявился острый запрос на переосмысление политической истории страны, роли партийных и советских органов, причин формирования однопартийной модели, альтернатив развития страны после революции и в 1920-е гг. Электоральные

---

⁶ Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917–1918). Новосибирск, 1978; Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968; Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 гг.). Новосибирск, 1985.

⁷ Алещенко Н. М. Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976; Куперт Ю. В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью Западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск, 1982.

сюжеты как часть политической истории также активно переосмысливались профессиональными историками и публицистами. Отличительной особенностью этого периода стал отказ от жестких догматических оценок в рамках марксистско-ленинской концепции Советов и выборов, появление плюралистических мнений и оценок. Наблюдения исследователей о формировании механизма власти большевиков, взаимоотношения партийных и советских органов на выборах стали важным шагом для последующего концептуального переосмысления советской политической системы в работах обществоведов.

Современный этап историографии охватывает середину 1990-х – 2020-е гг., когда в исследованиях, посвященных выборам, происходит смена методологических подходов, значительно расширяется проблематика. Учитывая междисциплинарность и многоаспектность темы, выделим основные направления, сложившиеся в современной научной литературе: 1) электоральные практики 1920–1930-х гг., включая исследование региональных избирательных кампаний, выборов как части деятельности городских и сельских Советов; 2) применение избирательных цензов, в том числе практики и последствия лишения избирательных прав как часть дискриминационной политики Советского государства; 3) формирование однопартийной политической модели и вытеснение большевиками оппозиционных левых партий в ходе послереволюционных избирательных кампаний, роль выборов в контексте советской системы управления и трансформации политической системы; 4) особенности проявления политического и электорального поведения, общественно-политические настроения различных социальных групп в послереволюционный период; 5) становление раннесоветской избирательной системы и ее отдельных институтов.

Одним из первых сюжетов в рамках электоральной проблематики, который исследователи начали переосмысливать в 1990-е гг., стал институт лишения избирательных прав, переживший настоящий «исследовательский бум». Лишение избирательных прав в Советской России в последние два десятилетия многократно становилось предметом диссертационных и монографических исследований Д. В. Валуева, Е. В. Карпычевой, Д. Н. Москаленской, Н. М. Морозовой, М. С. Саламатовой, Т. М. Смирновой, Л. А. Серокуровой и др.⁸ Усилиями обществоведов проведена масштабная реконструкция института лишения избирательных прав. Наиболее значимые успехи достигнуты отечественными исследователями благодаря широкому использованию статистических и социологических методов работы с личными делами «лишенцев», изучены динамика их состава и численности, социально-

---

⁸ Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 2007.

демографические характеристики, процессы адаптации и самоидентификации в советском обществе дискриминированной группы.

В 2000-е гг. региональные избирательные кампании 1920-х гг. становятся предметом самостоятельных исследований. В диссертациях Д. М. Корчагина (на материалах Кубано-Черноморья), А. А. Дмитриевцевой (на материалах Тамбовской губернии), Н. С. Петрищевой (на материалах Курского края) изучены основные региональные особенности избирательных кампаний, механизм взаимодействия власти с населением в ходе выборов в городские и сельские Советы в регионах⁹. Авторы приходят во многом к сходным выводам об основных этапах становления избирательного механизма: формализация избирательного процесса в первой половине 1920-х гг., «взрыв избирательной активности» в ходе повторных выборов и реализация модели «управляемой активности» на выборах второй половины 1920-х гг., основывающейся на определенных компромиссах власти с населением.

Значительный вклад в осмысление избирательных кампаний 1920-х гг. внесли исследователи, изучающие деятельность сельских Советов, традиции крестьянского самоуправления. О. В. Горбачев, Т. В. Соловьева, Л. Н. Мазур, В. Б. Безгин, А. Н. Юдин рассматривают выборы через призму жизни крестьянской общины, противоречивых отношений советских, партийных и традиционных институтов власти в деревне, констатируя сходные электоральные практики в различных регионах¹⁰.

В исследованиях о деятельности городских Советов, взаимоотношениях горожан и власти также значительное внимание уделяется особенностям проведения избирательных кампаний 1920-х гг. в городах В работах А. В. Гусева, С. А. Папкова, А. А. Сухарева на примере Москвы, Новониколаевска (Новосибирска), Тюмени реконструируется эволюция сложившихся электоральных практик, факторов, оказывавших влияние на их трансформацию. Определяются отдельные особенности поведения «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей на избирательных собраниях и взаимоотношений с представителями власти¹¹.

Новым направлением в отечественной исторической науке в 1990–2000-е гг. стало ретроспективное изучение массового сознания, политических реакций и настроений, образа власти в представлениях населения. Для понимания моделей электорального поведения, настроений крестьян и горожан, формировавшихся

---

⁹ Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Дмитриевцева А. А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012.

¹⁰ Безгин В. Б., Юдин А. Н. Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы // Социодинамика. 2013. № 2. С. 119–160; Мазур Л. Н. Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 152; Горбачев О. В., Соловьева Т. В. Сельские советы в контексте раннесоветского проектирования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 235–236.

¹¹ Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2015.

электоральных практик чрезвычайно ценны наблюдения в исследованиях С. В. Ярова, А. Я. Лившина, И. С. Кузнецова, В. П. Булдакова и др.¹²

Авторы коллективной монографии «Раннесоветское общество как социальный проект (1917–1930-е гг.)» выделяют модели политического поведения, определяя причины доминирования конформизма, эволюции протестных форм и настроений среди различных социальных слоев. Значимым достижением авторов стало выделение этапов формирования политического поведения и влияющих на него разнонаправленных факторов и контекстов¹³.

В развитие темы ретроспективной социально-политической психологии в 2000-е гг. появились исследования об электоральном поведении различных социальных групп. Так, в работах Н. В. Офицеровой рассматриваются основные электоральные стратегии горожан в 1920-е гг. В исследованиях А. В. Баранова, В. В. Кулачкова, Т. В. Ченской реконструируются политические настроения крестьян, их требования, причины и особенности абсентеизма сельских избирателей¹⁴.

Отдельные сюжеты, затрагивающие выборы в Советы и избирательную систему, исследовались в контексте советской системы управления и эволюции политической системы. В диссертационных исследованиях В. Г. Бициохи, Е. В. Булюлиной, Л. А. Зверевой, В. В. Красникова, В. И. Ткачева, И. А. Тропова, Е. В. Туфанова и др. анализируется становление государственной и партийной систем в различных регионах. Авторы приходят к обоснованному выводу о несамодостаточной роли выборов в формировании советского аппарата и преобладании партийно-административного способа замещения должностей.

В развитие темы становления советской политической системы, причин колебания политического курса и его влияния на избирательные процессы А. В. Баранов, Т. И. Морозова, Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов переосмысливают причины принятия руководством страны решения о массовой кассации выборов в 1924 г., а также роль влияния внутрипартийной борьбы на отмену выборов, реакции населения и советских управленцев на принятые решения¹⁵.

В современных историко-правовых исследованиях в значительной степени утрачен интерес к советской избирательной системе, ее изучение проводится в рамках общих, обзорных работ, посвященных развитию избирательной системы и права (или их отдельных институтов) России XX в. В рамках историко-юридических исследований наибольшее развитие получила тема становления

---

¹² Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012.

¹³ Раннесоветское общество как социальный проект (1917–1930-е гг.): моногр. В 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2018.

¹⁴ Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск, 2014.

¹⁵ Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. № 19. С. 403–417.

избирательных органов в советские годы. В работах А. В. Иванченко, Д. В. Кудряковой, П. Ю. Ермошина изучены особенности становления института избирательных комиссий в советский период, их полномочий. Правоведы проанализировали законодательство, регламентировавшее составы и деятельность избирательных комиссий, этапы становления института в широком временном контексте существования российского и советского государства и пришли к выводу о преемственности советского и современного института избирательных комиссий.

В зарубежной историографии электоральные сюжеты преимущественно исследовались в рамках двух направлений: 1) лишение избирательных прав как социально-правовая дискриминация; 2) оценка и причины изменения избирательной системы в Конституции 1936 г.

Значимый научный вклад в осмысление лишения избирательных прав как части социальной политики Советского государства внесли американские исследователи Ш. Фицпатрик, В. Бровкин, Г. Алексопулос. Они рассматривают лишение избирательных прав как инструмент социальной политики государства, маркер социальной и политической идентификации в послереволюционном обществе¹⁶. При ограниченной источниковой базе исследований достижением западных историков следует признать предложенные ими новые методологические подходы к рассматриваемой теме.

Еще один сюжет электоральной истории Советской России, активно обсуждавшийся в зарубежной историографии, связан с принятием сталинской Конституции, причинами реформирования избирательной системы. Основные причины конституционной реформы 1936 г. в зарубежной историографии преимущественно сводятся к внешнеполитическому (Дж. А. Гетти и Т. Рис), идеологическому (Л. Виола, Д. Бранденбергер и Д. Хоффман) и внутривнутриполитическому факторам (В. Голдман)¹⁷. Ольга Великанова аргументированно обосновывает позицию о комплексе причин (внешне- и внутривнутриполитических и идеологических), приведших к реформированию избирательной системы и принятию сталинской Конституции¹⁸.

Подводя итоги современного этапа историографического изучения раннесоветской избирательной системы, отметим, что за последние три десятилетия произошло расширение направлений исследований по электоральной проблематике и освоение новых методологических подходов. Впечатляющие результаты достигнуты в исследовании электоральных практик,

---

¹⁶ Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. № 4; Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, London, 2003.

¹⁷ Getty J. A. Pre-election Fever: The Origins of the 1937 Mass Operations // *The Anatomy of Terror. Political Violence under Stalin* / Ed by J. Harris. Oxford, 2013. P. 205–234; Viola L. Stalinism and 1930s // *A Companion in Russian History* / Ed. by A. Gleason. West Sussex, 2009.

¹⁸ Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. С. 41–88.

сложившихся в 1920-е гг., института лишения избирательных прав, сущностных особенностей советской политической системы и роли в ней выборов. Применение междисциплинарных подходов (в первую очередь социологических, политологических, социальной психологии) позволило на новом методологическом уровне исследовать институт лишения избирательных прав, функционирование политического режима, политические практики и настроения, особенности формирования политической культуры советских граждан.

Наряду с достижениями фрагментарно изучены сущностные особенности раннесоветской избирательной системы, формирование и развитие ее институтов, механизм организации советских избирательных кампаний, деятельность избирательных органов всех уровней, институты кассации выборов, нормы представительства, проведения избирательных собраний и съездов. Заметные пробелы остаются и в изучении электоральных практик 1930-х гг., форм и моделей электорального поведения советских избирателей.

Объект исследования – советская избирательная система, установленная Конституцией РСФСР 1918 г., обладавшая выраженными специфическими особенностями по сравнению с дореволюционной и последующей советской, существовавшей после 1936 г. Избирательная система представлена как конструкция взаимосвязанных подсистем, включавшая три основных элемента: 1) институциональный элемент, выраженный в законодательстве, регулировавшем избирательную сферу; 2) механизм организации и проведения избирательных кампаний; 3) электоральные практики, складывавшиеся на основе реализации установленных норм, охватывавшие все этапы избирательного процесса (от создания избирательных органов до обжалования и кассации выборов) и приведшие к формированию определенных стратегий электорального поведения населения.

Предмет исследования – сущностные характеристики раннесоветской избирательной системы, функционирование ее институтов, деятельность избирательных органов по организации советских выборов, модели поведения избирателей на выборах.

Цель исследования – изучить становление и трансформацию советской избирательной системы, существовавшей в РСФСР с 1918 по 1936 г., путем исторической реконструкции институтов, механизмов, электоральных практик и стратегий населения республики.

Для достижения цели предполагается решить следующие научные **задачи**:

1) раскрыть генезис, этапы становления, трансформации и функции институтов раннесоветской избирательной системы;

2) определить сущностные черты и типологию данной избирательной системы, ее соотношение с предшествующими и последующими отечественными и мировыми избирательными системами;

3) охарактеризовать роль и механизм организации избирательных кампаний на различных этапах функционирования изучаемой избирательной системы;

4) установить этапы формирования, состав, организационную структуру, особенности реализации полномочий Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК (1925–1936 гг.);

5) раскрыть процесс становления и трансформации раннесоветских электоральных практик;

6) выявить влияние политических, социальных и экономических факторов на складывавшиеся электоральные практики;

7) определить структуру и численность электорального корпуса, соотношение электоральных групп с социальной структурой общества;

8) охарактеризовать модели электорального поведения городского и сельского населения.

Территориальные рамки исследования включают территорию Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), с 1918 г. – как самостоятельного государства, с 1922 г. – как части Союзного государства. Принимая во внимание многочисленные территориальные изменения республики и административно-территориальные реформы, исследование проводилось с учетом актуальности административно-территориальных единиц и границ для конкретного периода.

Хронологические рамки определяются двумя обстоятельствами: 1) существованием советской избирательной системы с четко выраженными особенностями и ограниченными советскими Конституциями 1918 и 1936 гг.; 2) проведением общероссийских избирательных кампаний с 1922 г. по 1934/35 г. в рамках указанной избирательной системы. Эти обстоятельства обусловили хронологические границы исследования институциональных аспектов, механизма организации советских выборов более широкими рамками существования советской избирательной системы.

Конкретно-историческое исследование складывавшихся электоральных практик, моделей электорального поведения осуществлялось в более узких хронологических рамках: проведения восьми общероссийских избирательных кампаний – 1922, 1923, 1924/25 (с учетом кампании массовой кассации выборов), 1925/26, 1926/27, 1928/29, 1930/31, 1934/35 гг., сроки которых устанавливались постановлением ВЦИК или Всероссийского съезда Советов. Поскольку с 1918 по 1921 г. выборы проводились на подконтрольных большевикам территориях и в различные сроки, то это обстоятельство исключило их из рассмотрения как общероссийских. Учитывая вышеизложенное, полагаем возможным исходить из более широких хронологических границ. Нижней стало возникновение советской избирательной системы на основе Конституции РСФСР 1918 г., верхняя граница определяется 1936 г. (прекращение существования этой системы с принятием новой Конституции 1936 г.).

Теоретические и методологические основы исследования. Проведение комплексного исследования предполагает сочетание основных принципов исторического исследования с широким спектром применения общенаучных, частнонаучных методов, а также инструментария смежных с историей общественных наук: социальной философии, юриспруденции, социологии, политологии и статистики.

Исследование основывалось на фундаментальных принципах современного научного исторического исследования: объективности, историзма, детерминизма и социального подхода. Из общенаучных методов наиболее органичными стали системный и структурно-функциональный методы.

Историко-генетический, историко-динамический, историко-сравнительный и историко-типологический методы стали основой для анализа избирательных институтов, советского избирательного механизма, систематизации электоральных процессов, типологии групп избирателей, их стратегий поведения на выборах.

Теоретической основой исследования политических и социальных институтов и практик стали концепции представителей структурного функционализма (Т. Парсонса, Р. К. Мертон). Методология структурного функционализма позволила определить отличия реальных практик от запланированных действий, предусмотренных государством в нормативных актах; выявить причины «отклонений», влияние различных обстоятельств и разнонаправленных действий на складывавшиеся электоральные практики, реализацию институтов избирательной системы и реакцию избирателей. Использование методологии структурного функционализма стало основой анализа электоральных практик.

Исследование процессов легитимации власти большевистского режима, ее кризисов, влияния последних на трансформацию раннесоветской избирательной системы обусловило обращение к концепциям социологов и политических философов (М. Вебера, Д. Хелда, Д. Истона, Ю. Хабермаса), а также к работам отечественных обществоведов, изучавших природу, сущность, признаки и свойства государственной власти. Все это позволило уточнить используемые в работе ключевые понятия, связанные с феноменом легитимности власти в исследуемый период.

Труды представителей научных школ политических социологов и политологов стали теоретической основой изучения электорального поведения. Для анализа стратегий и моделей электорального поведения применялись методы социологической концепции А. Зигфрида, П. Лазарсфельда, Б. Берельсона, С. М. Липсета, С. Роккана, социально-психологической концепции А. Кэмпбелла, Ф. Конверса и теории рационального выбора Э. Даунса, У. Райкера. Использование социологических методов с учетом исторического контекста позволило предложить типологию моделей электорального поведения различных

групп избирателей, интерпретировать их электоральные стратегии, политические настроения и требования.

В рамках раздела о теоретических основах уточнена терминология, связанная с электоральными процессами, предложена трактовка терминов «выборы», «избирательная система», «избирательное право», «избирательная кампания» и др., корректно используемых в исторических контекстах и с учетом достижений современного обществознания.

Источники. Исследование проводилось на основе широкого комплекса документальных и нарративных источников. Наиболее значимыми стали документальные источники (нормативные правовые акты, статистические материалы и делопроизводственная документация) и нарративные (материалы советской периодики, личные письма и жалобы избирателей).

Одну из самых объемных групп документальных источников составили нормативные правовые акты, регулировавшие проведение выборов. В диссертации выявлен и проанализирован полный корпус избирательного законодательства, принятый высшими органами власти.

Широко использовались статистические источники, в первую очередь статистические справочники и сборники об итогах выборов, опубликованные с 1921 по 1935 г., а также неопубликованные статистические материалы по итогам избирательных кампаний.

Из документальных источников широко применялись статистические материалы из опубликованных справочников и сборников об итогах выборов (с 1921 по 1935 г.), а также неопубликованные статистические материалы по итогам избирательных кампаний, находящиеся на хранении в архивах (фонды Ф. Р-393 и Ф. Р-1235, Ф. А-5248), представляющие собой предварительные результаты выборов в целом по РСФСР и по отдельным регионам.

При анализе данных электоральной статистики учитывался невысокий уровень достоверности и сопоставимости показателей раннесоветской электоральной статистики, обусловленный особенностями формирования избирательного механизма и динамичным изменением количества и содержания показателей статистики в разные годы.

Среди документальных источников особое значение имеет делопроизводственная документация государственных и партийных органов, находящаяся на хранении в различных архивах. В работе преимущественно использовались документы федеральных архивов – Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории. Наибольшую ценность для исследования представляют документы четырех фондов, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. Это фонды Наркомата внутренних дел (Ф. Р-393), Всероссийского центрального исполнительного комитета (Ф. Р-1235), Центрального исполнительного комитета СССР (Ф. Р-3316) и Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК (Ф. А-5248).

А также документы четырех фондов, находящиеся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории: фондов ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Ф. 17), фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК (Ф. 94) и личных фондов В. И. Ленина (Ф. 2) и И. В. Сталина (Ф. 558).

Документация фондов советских органов изучалась последовательно и с учетом их роли в механизме советских выборов. В начальный период (с 1918 по 1924 г.) организацией выборов Советов преимущественно занимался наркомат внутренних дел, поэтому в делах его подразделений отложились соответствующие материалы. По мере передачи организации выборов от НКВД подразделениям ВЦИК в 1924 г. избирательное делопроизводство откладывалось в делах орготдела ВЦИК. В целом делопроизводство орготдела ВЦИК составляет значительный объем (дела отложились в 15 описях (оп. 99–114 Ф. Р-1235), составив более 6000 единиц хранения).

Создание специализированного центрального избирательного органа в 1925 г. привело к постепенному сосредоточению делопроизводства по выборам у Всероссийской центральной избирательной комиссии. Фонд Центризбиркома (Ф. А-5248) включает 99 тыс. единиц хранения и находится в Центре хранения страхового фонда (ЦХСФ) в Ялutorовске. Проанализированные документы указанного фонда впервые вводятся в научный оборот

Среди обширной информации о руководстве партийных органов выборами в Советы, находящейся в фонде Центрального комитета РКП(б) – ВКП(б) (Ф. 17), особый интерес представляют материалы работы комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) о подготовке перевыборов и по подведению итогов перевыборов Советов в 1925/26 г. (оп. 164 СЧ). Они включают материалы обсуждения, протоколы заседаний комиссии, аналитические материалы, доклады по различным вопросам, связанным с проведением избирательных кампаний. Эти материалы были введены в научный оборот впервые и позволили детально реконструировать дискуссии партийного руководства середины 1920-х гг. об изменениях общего политического курса и о влиянии на эти изменения итогов избирательных кампаний. А также определить круг избирателей – «социально близких и чуждых», расширить представления о настроениях, стратегиях поведения избирателей в различных регионах и социальных группах, достоверности электоральной статистики.

Нарративные (повествовательные) источники преимущественно являлись частью делопроизводства партийно-советских органов. Они отложились в указанных выше фондах в результате рассмотрения жалоб, ходатайств, заявлений избирателей на различные нарушения, допущенные в ходе проведения выборов.

Материалы раннесоветской периодики, содержавшие большое разнообразие повествовательных источников, позволили проследить трансформацию нарративов, проанализировать общественные и авторские оценки, наблюдения

непосредственных участников выборов и корреспондентов, что дополнило информацию, полученную из делопроизводственных источников.

В целом выявленный и проанализированный корпус документальных и нарративных источников позволил решить поставленные в диссертационном исследовании задачи, изучить становление и трансформацию раннесоветской избирательной системы в обозначенных хронологических и территориальных рамках. А также сформировать комплексное представление об институтах, деятельности партийных и советских органов, электоральных практиках и стратегиях населения республики.

Новизна исследования. В диссертационном исследовании впервые на новом методологическом и эмпирическом уровне рассмотрены сущностные и типологические характеристики советской избирательной системы, существовавшей с 1918 по 1936 г. в России. Хотя тема имеет значительную историографию, ранее ее изучение проводилось применительно к отдельным сюжетам, периодам или регионам. Новизна диссертационного исследования заключается в комплексном характере, широких территориальных и хронологических рамках. Впервые исследована трансформация электоральных институтов, обоснована их внутренняя периодизация, выявлены тенденции развития каждого из них, определены роль и функции институтов в избирательной системе, соотношение и степень их преемственности с дореволюционными институтами. На основе впервые введенных в оборот архивных документов исследованы структура и деятельность Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК (1925–1936 гг.). Детально реконструирован механизм организации советских избирательных кампаний (высший, центральный и региональный уровни). Введение в научный оборот материалов работы комиссии Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) 1925/26 г. существенно расширило представления о дискуссиях партийного руководства относительно формирования общего политического курса и влияния на эти изменения итогов последующих избирательных кампаний. Впервые последовательно проанализированы становление и трансформация советских электоральных практик, выявлены факторы, определявшие данные изменения. Интерпретация эмпирического материала на основе современных методологических подходов позволила реконструировать модели электорального поведения городского и сельского населения; определить степень распространенности электоральных стратегий, их влияния на результат выборов; воссоздать представления о кандидатах и требованиях к ним различных групп избирателей.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Раннесоветская избирательная система имела более глубокие исторические корни, чем декларировали большевики, позаимствовавшие в модернизированном виде базовые принципы позднеимперской избирательной системы – цензовость, неравное и не прямое представительство. Уникальный

характер новой системе на фоне других избирательных систем придавало смешение традиционных черт с новаторскими (производственный принцип организации выборов).

2. Традиционные и новаторские институты советской избирательной системы выполняли функции по обеспечению монополии власти большевиков в Советах и на съездах всех уровней. Ключевую роль здесь играли институты избирательных собраний и неравных выборов.

3. В развитии институтов советской избирательной системы выделяются два этапа: первый охватывал 1918–1924 гг., второй – 1925–1936 гг. Начальный этап характеризовался вариативностью подходов к созданию и деятельности избирательных органов; низкой степенью конкретизации избирательных процедур, создававших благоприятные условия для их стихийной реализации; большой ролью усмотрения местных властей и нарушениями. Для следующего этапа характерны унификация институтов, конкретизация избирательных процедур и норм, упорядочение деятельности избирательных органов, запрет местных норм и практик.

4. Руководством избирательными кампаниями в РСФСР в различные периоды занимались Наркомат внутренних дел, ВЦИК и Всероссийская центральная избирательная комиссия при Президиуме ВЦИК. Наркомат внутренних дел в полном объеме осуществлял руководство выборами в стране с 1918 по 1923 г., частично – в кампании 1924 и 1925 гг. Обширные полномочия данного наркомата в избирательной сфере реализовывались бессистемно и неэффективно.

5. Создание Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК позволило оперативно установить монополию на принятие решений по вопросам организации выборов в РСФСР и выстроить четкую вертикаль взаимодействия с подчиненными республиканскими, краевыми, областными и губернскими избиркомами и исполкомами. В ходе реализации полномочий Центризбиркомом организация избирательного процесса в РСФСР приобрела системный характер на основе единообразных подходов.

6. Электоральные практики 1920-х – первой половины 1930-х гг. складывались под воздействием множества политических, экономических и социальных факторов. Ключевое при реализации избирательных процедур стремление большевистского руководства к сохранению политической монополии привело к действиям, направленным на легитимацию режима и поддержку его электоратом. Сложившийся в период активной борьбы большевиков с оппозиционными социалистическими партиями стандарт безальтернативных выборов и корпоративная солидарность руководства правящей партии в вопросе сохранения политической монополии стали директивами, определяющими реализацию советских электоральных практик.

7. Этапы становления и развития избирательных практик соответствовали их институциональному закреплению. Для начального этапа (1918–1924 гг.) характерны имитационные формы поддержки режима (с мобилизацией лояльно

настроенных слоев населения, минимальной явкой и формальным проведением избирательных собраний). Начиная с 1925 г. при сохранении политической монополии большевиков значимым фактором становятся усилия институтов власти, направленные на расширение поддержки населением политического режима. Для данного периода свойственен частичный отказ от имитационных и переход к реальным формам поддержки режима: индивидуальному выдвижению; обсуждению кандидатов и вопросов, волновавших избирателей; добровольному голосованию. Рубеж 1930-х гг. стал переходным от условно альтернативных к выборам плебисцитарного типа более позднего времени.

8. Проведение выборов в городах по производственно-территориальному принципу привело к искусственному конструированию электорального корпуса; выделению групп «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей, что имело мало общего с реальной социальной структурой городов 1920–1930-х гг. Электоральная статистика в деревне также не отражала реальные социальные процессы, показывая однородность сельских избирателей и малочисленность групп, непосредственно не занимавшихся сельскохозяйственным производством.

9. Для советских избирателей в исследуемый период были характерны три основные модели электорального поведения: 1) пассивное, выраженное в форме абсентеизма; 2) лояльное к власти, выраженное в форме активной поддержки или конформизма; 3) протестное, выраженное в форме выдвижения протестных требований и забаллотирования утвержденных партийными комитетами списков кандидатов, выдвижения кандидатов от собрания, а также протестное поведение, выраженное в форме открытых выступлений и противоправных действий против власти.

10. Наибольшая типологическая схожесть моделей электорального поведения была характерна для непролетарских слоев городского населения и крестьянства. До конца 1920-х гг. для непролетарских слоев города и деревни самым распространенным вариантом являлось пассивное электоральное поведение в форме абсентеизма. Из провластных стратегий электорального поведения наиболее распространенным вариантом выступало конформистское лояльное поведение. Протестные стратегии в большинстве случаев не выходили за границы, обозначенные властью.

11. У рабочих и служащих соотношение моделей отличалось от остальных категорий избирателей в пользу лояльного электорального поведения. Среди его форм у рабочих и служащих преобладал конформизм, обусловленный прагматичным подходом избирателей к реализации различных провластных инициатив. Абсентеизм пролетарских слоев организаторами выборов целенаправленно вытеснялся. Протестные формы электорального поведения были значительно менее распространены среди рабочих и служащих по сравнению с другими слоями населения.

12. Определяющее влияние на представления не proletарской части горожан и крестьян о кандидатах в депутаты оказывали дореволюционный опыт, трудовая этика и патриархальные традиции, у большевиков – идеологические установки о представителях «политического авангарда». Формирование желательных для власти составов Советов осуществлялось как посредством жесткого административного давления, так и на основе взаимоприемлемого для организаторов и участников электорального процесса компромисса.

Теоретическая значимость. Результаты исследования позволили сформулировать современную концепцию оценки раннесоветской избирательной системы в историографии; расширить и скорректировать существующие представления об электоральных институтах, практиках, стратегиях поведения населения на выборах в советской республике, о механизме организации советских избирательных кампаний; реконструировать первоначальный этап деятельности Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК. Методологическая модель интерпретации раннесоветской избирательной системы, предложенная автором, может быть применена при дальнейшем исследовании электоральной истории страны, а также при проведении сравнительно-исторических исследований.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории выборов, отечественного избирательного права и избирательной системы, истории избирательных органов, истории России и истории отечественного государства и права; в компаративистских исследованиях по избирательным системам; при подготовке разделов по истории выборов, избирательных кампаний на сайтах избирательных комиссий различного уровня, методических и учебных материалов для сотрудников избирательных комиссий и избирателей.

Апробация. Основные положения и результаты исследования изложены в 48 научных публикациях, включая монографии (авторскую и коллективную), 16 статей, опубликованных в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации по специальности 5.6.1 – Отечественная история, апробированы в докладах на международных научных и научно-практических конференциях в Москве (2017), Санкт-Петербурге (2010, 2011, 2012, 2022, 2024), Екатеринбурге (2010, 2023), Смоленске (2009), Новосибирске (2015, 2017, 2019), на всероссийских научных и научно-практических конференциях в Калининграде (2022), Курске (2023), Орехово-Зуеве (2012), Екатеринбурге (2013, 2019) и на межвузовских в Новосибирске (2017); результаты исследования использованы при чтении учебных курсов в Новосибирском государственном университете экономики и управления.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, проанализирована историография, сформулированы цель и задачи, определены территориальные и хронологические рамки, охарактеризованы теоретические и методологические основы и источниковая основа исследования, приведены положения, вынесенные на защиту, и сведения об апробации диссертации.

Первая глава «Институционализация советских выборов» состоит из четырех параграфов и посвящена исследованию шести основных институтов советской избирательной системы. В ней последовательно проанализированы институты лишения избирательных прав, избирательных органов, не прямых и неравных выборов, избирательных собраний и кассации выборов с позиции их становления и динамики развития, соотношения с дореволюционными и последующими советскими институтами.

В параграфе 1.1 «Советские избирательные органы» рассмотрены организационные модели избирательных органов, реализованные в позднеимперский период, период Февральской революции и раннесоветский период. На основе анализа нормативных актов, научных работ, делопроизводственных архивных материалов охарактеризованы важные принципы и этапы становления и развития советского института избирательных органов.

К моменту возникновения Советского государства в России реализовывались две организационные модели избирательных органов. Первая предполагала создание специализированных органов, формировавшихся на уровне уездов и губерний (при сохранении значительной роли административных органов), и реализовывалась при организации выборов в Государственную думу в 1905–1917 гг. Вторая – создание независимых от администрации специализированных избирательных органов, охватывающих все административно-территориальные уровни. Она реализовывалась после Февральской революции на выборах в Учредительное собрание.

Дореволюционный избирательный опыт определялся значительной ролью административных органов в избирательном процессе и вспомогательным характером специализированных избирательных органов. Краткий опыт формирования профессиональных и независимых от администрации комиссий для выборов в Учредительное собрание показал большевикам его сложность и непригодность для обеспечения лояльных партии составов Советов и удержания власти. Это стало причиной отказа от передового опыта и возвращения к административной модели избирательных органов.

В становлении института советских избирательных органов прослеживаются два основных этапа. Первый этап (1918–1924 гг.) характеризовался низкой степенью конкретизации полномочий органов,

участвовавших в организации выборов, значительной вариативностью органов в различных регионах, что создавало благоприятную среду для их дискреционных действий. Система избирательных комиссий в первой половине 1920-х гг. не охватывала все административно-территориальные уровни, их составы были крайне малочисленными. Порядок формирования избиркомов всех уровней носил административный характер, в них входили представители исполкомов, административных отделов и местных партийных комитетов. Главные цели такого порядка – проведение классовой политики, контроль над нижестоящими избиркомами, обеспечение необходимых правящей партии составов Советов. Нормативные акты первой половины 1920-х гг. отводят избирательным комиссиям вспомогательную роль при административных и исполнительных органах.

Для второго этапа (1925–1936 гг.) характерны разнонаправленные тенденции: попытки демократизации при централизации избирательного механизма. В этот период создана система избирательных комиссий, охватывавшая все административно-территориальные уровни, конкретизированы полномочия участников избирательного процесса от Всероссийской избирательной комиссии до сельизбиркомов. В избирательном законодательстве от 1925 г. предпринята попытка демократизировать деятельность избирательных комиссий, сделать их более самостоятельными за счет расширения полномочий и включения в их составы представителей населения. Однако эта попытка оказалась неудачной: избирательные комиссии не стали менее зависимыми от администрации, исполнительные органы по-прежнему сохраняли доминирующее положение в избирательном процессе. В 1930-е гг. роль исполнительных и административных органов в избирательном процессе только возрастала.

Формирование составов избирательных комиссий отражало общие тенденции мобилизации различных слоев населения на выборы. На протяжении рассматриваемого периода в избирательном законодательстве важным условием формирования избирательных органов являлась лояльность к власти их членов и соответствие социальной (классовой) принадлежности. Уровень подготовки, образования, опыта работы не определялись и не имели значения при включении в избирательные комиссии, хотя применение усложняющегося законодательства требовало подготовленных, образованных сотрудников. Их отсутствие в избиркомах во второй половине 1920-х гг. привело к многочисленным нарушениям на всех стадиях избирательного процесса.

В параграфе 1.2 «Лишение избирательных прав» охарактеризованы типы и особенности применения избирательных цензов в России до революции и в мировых электоральных системах. Выявлены сходные и различные черты, определены традиционные и новаторские особенности советских избирательных цензов. Проанализированы основные тенденции развития общероссийского и местного законодательства в определении круга лиц, подлежавших лишению

избирательных прав, и процедур, его сопровождавших. Исследованы причины изменения законодательства и отмены института лишения избирательных прав в 1936 г.

Советские избирательные цензы обладали выраженными особенностями на фоне мировой электоральной практики, где они были основным способом формирования электорального корпуса и ограничения избирательных прав малоимущих граждан. В Советской России традиционная превентивная функция цензов имела ограниченное значение только для постреволюционного периода. Со второй половины 1920-х гг. институт лишения избирательных прав стал важным инструментом трансформации социальной структуры послереволюционного общества. Этим обстоятельством определялось огромное внимание властей к институту, его законодательному оформлению и складывающимся практикам. Институт лишения избирательных прав, находясь в центре внимания политического руководства страны на протяжении 1920-х гг., оказался одним из наиболее развитых в советской избирательной системе. Выраженной особенностью данного института стал выход за пределы избирательной системы. Ограничение избирательных прав стало феноменом социальной политики государства, мерой социально-экономического давления на наиболее хозяйственно активные слои города и деревни.

Развитие института лишения избирательных прав прошло этапы, характерные для становления советской избирательной системы. В первой половине 1920-х гг. формирование основных подходов к определению круга лиц, подпадавших под действие избирательных цензов и базовых процедур, связанных с лишением и восстановлением в правах, характеризовалось низкой степенью конкретизации круга «лишенцев» и процедур со стороны центрального руководства. Это предопределило произвольные действия местных властей и значительную вариативность круга лиц, ограниченных в избирательных правах. С кампании 1925/26 г. в общероссийском законодательстве произошла детализация круга лиц, подлежавших лишению избирательных прав. Были введены и усовершенствованы процедуры составления списков, документального обоснования лишения прав и рассмотрения жалоб. Проводилась борьба с местным нормотворчеством и практиками, не соответствовавшими общероссийским правилам.

В избирательном законодательстве 1930-х гг. акценты сместились в сторону детализации процедур восстановления в правах и учета лиц, лишенных прав.

В параграфе 1.3 «Избирательные собрания: принципы, порядок проведения и кассация результатов» охарактеризованы традиционные и новаторские особенности принципов и порядка проведения избирательных собраний, отмены их результатов. А также рассмотрены становление производственного и территориального принципов организации избирательных

собраний в советской доктрине и на законодательном уровне, выделены и проанализированы избирательные процедуры.

Раннесоветская избирательная система воспроизводила архаичный порядок проведения выборных собраний, свойственный начальным периодам становления избирательного процесса. По сравнению с предшествующими избирательными системами, советский институт избирательных собраний с открытым голосованием стал регрессивной формой. Введение недемократичных процедур, открытого порядка голосования, предоставление преимущества производственным коллективам по сравнению с территориальными преследовали решение ключевой задачи советских выборов – избрание лояльных к режиму составов Советов.

Институт избирательных собраний занимал центральное место в новой избирательной системе, однако его развитию не уделялось должного внимания. Многие процедуры и стадии были урегулированы в общем виде, оставляя простор для произвольных действий со стороны организаторов выборов. Становление институтов избирательных собраний и кассации выборов имело сходные этапы развития с другими институтами советской избирательной системы.

На первоначальном этапе (1918–1924 гг.) установление принципов и избирательных процедур возлагалось на местные власти, отсутствовали унифицированные избирательные единицы и порядок проведения собраний. Данный этап характеризовался минимальной конкретизацией принципов и порядка проведения выборов. На выборах в городские Советы преобладал производственный принцип организации собраний, в сельские Советы – территориальный принцип, избирательные единицы и их численность варьировались в законодательстве. Институт кассации выборов в условиях отсутствия регламентации оснований, условий порядка отмены выборов не выполнял функцию «открытой формы непосредственной демократии», а в ряде случаев использовался в качестве дополнительного механизма давления на депутатов от оппозиционных партий или групп, нелояльных к новой власти.

Второй этап (1925–1936 гг.) характеризовался унификацией принципов и процедур проведения собраний. В это время в общероссийском законодательстве утвердился производственно-территориальный порядок, проведение собраний по территориальному принципу в городах стало обязательным. В сельской местности существенно уменьшилось количество избирательных единиц, что делало выборы в сельские Советы удобными для участия крестьян. Нормативно урегулированы избирательные процедуры, ранее остававшиеся на усмотрение организаторов выборов (оповещение избирателей о времени и месте проведения собрания, фиксация явки избирателей, выдвижение и обсуждение кандидатов (списков), голосование за кандидатов в депутаты, составление итогового протокола). Наряду с позитивными изменениями, в 1925 г. впервые закреплён открытый порядок голосования в качестве единственно

возможного, что демонстрировало крайнюю ограниченность демократизации избирательного процесса, проводимой в рамках реализации политики «оживления Советов».

Решение о массовой отмене выборов в стране в декабре 1924 г. стало ключевым событием в развитии института. В 1925 г. были четко регламентированы основания, условия и порядок отмены выборов. В этот период институт кассации выборов стал важным элементом изменившейся избирательной модели, характеризовавшейся ослаблением партийно-государственного давления на население, более широким и свободным участием избирателей на выборах. Политические изменения конца 1920-х и 1930-х гг. привели к выхолащиванию демократического импульса из института отмены выборов и превращению его в элемент механизма выявления «классовых врагов» и обеспечения «классовой чистоты» составов Советов.

В параграфе 1.4 «Неравные и непрямые выборы» рассмотрены особенности непрямого и неравного представительства в отечественной и мировых электоральных системах, определены специфика и функции советских институтов неравных и не прямых выборов.

Институт неравных выборов выполнял исключительно важную роль в советской избирательной системе, став одним из ключевых инструментов, который позволил большевикам формировать необходимые им составы Советов и съездов. Основным элементом этого механизма, заложенным советской Конституцией 1918 г., стало предоставление преимущества в нормах представительства городскому населению перед сельским. Последующее развитие норм представительства обозначило еще две категории населения, которым большевики предоставляли дополнительные преимущества в представительстве на выборах: пролетарские слои населения в городах и национальные меньшинства.

Несмотря на традиционный характер многостепенности выборов, дореволюционные и советские съезды имели принципиальные отличия. Советские съезды были органами власти, проводимые на них выборы носили лишь дополнительный характер, в то время как в дореволюционный период избирательные съезды выполняли функцию предварительного этапа выборов. Помимо этого, проведение избирательных съездов являлось финальным этапом выборов соответствующего уровня, выборы на съезды осуществлялись на избирательных собраниях.

Становление институтов неравных и не прямых выборов проходило в рамках двух этапов, характерных для развития советской избирательной системы. Для первой половины 1920-х гг. свойственны высокая нестабильность норм, разнородность единиц представительства в городские Советы и на съезды всех уровней, эксперименты со сроками и порядком проведения съездов. Ежегодно меняя нормы представительства, большевики искали оптимальное соотношение населения в советских органах власти. Нестабильность норм серьезно усложняла

их применение на местах, внося хаос в организацию выборов. Установленные сроки проведения выборов в Конституции и избирательном законодательстве оказались нереализуемыми на практике. И постепенно власти стали снижать частоту съездов, пока в 1922 г. не установили единые сроки для проведения избирательной кампании – от сельских Советов до Всероссийских съездов.

Во второй половине 1920-х гг. произошла относительная стабилизация и выработка единых принципов и норм представительства, сроков и порядка проведения выборов на съезды. Новый механизм предполагал при сохранении общих норм внесение изменений в нормы представительства для отдельных областей, районов или городов. Основные положения, принятые в 1925 г., сохранили актуальность до 1936 г. Институты неравного и непрямого представительства были ликвидированы в Конституции СССР 1936 г., отечественная традиция неравных и многостепенных выборов прекратила свое существование.

Вторая глава «Становление механизма организации советских выборов» состоит из двух параграфов, она посвящена изучению высших, центральных и региональных органов, участвовавших в организации избирательных кампаний. Рассмотрен процесс становления избирательных органов, их роль в избирательном процессе, основные направления деятельности.

В параграфе 2.1 «Высшие и центральные советские органы в избирательном процессе» последовательно реконструируется участие высших и центральных органов в организации советских выборов.

В рассматриваемый период организация и руководство выборами в Советы в РСФСР осуществлялись Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Народным комиссариатом внутренних дел СССР. Участие этих органов и их подразделений в организации избирательных кампаний существенно различалось в разные годы. Ключевая роль в организации выборов в стране в первоначальный период принадлежала наркомату внутренних дел. НКВД в полном объеме осуществлял руководство выборами в стране с 1918 по 1923 г., частично – в кампании 1924 г. и 1925 г., в последующие кампании участие наркомата было незначительным. Передача дел по руководству выборами от НКВД к ВЦИК началась в 1924 г. и завершилась только в кампанию 1925/26 г. после создания Всероссийской центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК. Фактически ВЦИК и его подразделения осуществляли руководство выборами в РСФСР с осени 1925 г. по 1936 гг.

Наркомат внутренних дел не рассматривал организацию выборов как ключевую сферу своей деятельности, его полномочия в избирательной сфере определялись не столько нормативными актами, сколько потребностями избирательной практики, они реализовывались стихийно и бессистемно.

Реализация политики «оживления Советов» потребовала реорганизации избирательного механизма, создания специализированного избирательного органа. Эта реорганизация проводилась крайне медленно, нерешительно, на

протяжении двух избирательных кампаний (1924 и 1925/26 гг.) и сопровождалась многочисленными межведомственными конфликтами, что заметно снижало эффективность управления в данной сфере. После долгих дискуссий был создан специализированный центральный избирательный орган – Всероссийская центральная избирательная комиссия при Президиуме ВЦИК. Центризбирком создавался как типичный временный орган при Президиуме ВЦИК в рамках сложившейся советской управленческой практики 1920–1930-х гг. Однако в силу высокой периодичности проведения выборов Центризбирком быстро вышел за пределы статуса временного органа, заняв промежуточное положение между самостоятельным, постоянным органом и временной комиссией при ВЦИК.

В ходе реализации полномочий Центризбиркомом организация избирательного процесса в РСФСР приобрела системный характер. Всероссийской центральной избирательной комиссии оперативно удалось выработать единые подходы, установить монополию на принятие решений по вопросам организации выборов в РСФСР, а также выстроить четкую вертикаль власти с подчиненными республиканскими, краевыми, областными и губернскими избирательными комиссиями и исполкомами. По большинству дискуссионных вопросов организации выборов, в первую очередь связанных с определением круга «лишенцев» и норм представительства, Центризбирком занимал более прагматичную и свободную от догм позицию, чем высшее партийное руководство.

Параграф 2.2 «Организация выборов советскими органами на региональном уровне» посвящен участию территориальных органов НКВД, краевых (республиканских, губернских, областных, окружных) исполкомов и избирательных комиссий в организации избирательных кампаний.

Ключевую роль в организации выборов на этапе становления советского избирательного процесса играли партийные органы и губернские отделы управления (территориальные подразделения наркомата внутренних дел). Губернская избирательная комиссия создавалась как координационный штаб по организации выборов. Она состояла из сотрудников партийных и советских органов, назначенных ответственными за проведение выборов в регионе. В начале 1920-х гг. составы избирательных комиссий были немногочисленными, преимущественно включали трех членов.

Участие различных органов в избирательном процессе характеризовалось отсутствием эффективного механизма взаимодействия центральных и местных органов. Это приводило к стихийной реализации полномочий всеми организаторами выборов, многочисленным нарушениям, ситуативно складывавшимся практикам, различным формам взаимодействия административных, партийных органов и избирательных комиссий.

После передачи полномочий в избирательной сфере советским органам в 1925 г. основная роль в организации избирательных кампаний принадлежала исполкомам и избирательным комиссиям, созданным при них. Избирательные

полномочия реализовывались в рамках единых подходов, вводимых центральными органами, складывавшиеся электоральные практики в регионах в значительной мере дублировали практику Центризбиркома. При общей тенденции к унификации избирательных практик региональные исполкомы стремились отстаивать интересы своего региона в части обеспечения кадрами советского аппарата, формирования региональных избиркомов, учета специфики в нормах представительства и т. п.

Третья глава «Советские электоральные практики» состоит из четырех параграфов, в ней рассмотрены практики применения избирательных цензов и практики, реализуемые в ходе советского избирательного процесса. Отдельно изучен вопрос о методах и практиках установления и поддержания политической монополии большевиков.

В параграфе 3.1 «Избирательные цензы в советской избирательной практике» характеризуются этапы и особенности формирования практик, связанных с лишением гражданских прав. Рассматривается реализация процедур определения круга лиц, лишенных прав, и процедур, сопровождавших лишение прав (составление списков, рассмотрение жалоб и ведение учета).

В первой половине 1920-х гг. реализация практик, связанных с лишением избирательных прав, характеризовалась произвольным характером определения круга «лишенцев» и упрощенными процедурами, сопровождавшими ограничения, а также существенной вариативностью практик, что объяснялось в первую очередь желанием отстранить от участия в выборах реальных противников большевиков. С данным обстоятельством связано произвольное толкование 23 статьи Конституции РСФСР 1918 г. и включение в число «лишенцев» различных категорий «бывших», «контрреволюционно» и нелояльно настроенных в отношении новой власти.

К 1926 г. на местах начинают складываться единообразные практики определения круга «лишенцев» и процедур, сопровождавших ограничение в правах. Попытки центральной власти пресекать произвольное определение круга лиц, подлежавших ограничению в правах, в условиях постоянного изменения избирательного законодательства оказывались крайне неэффективными. В кампании 1926–1934 гг. фиксировались совершенно идентичные нарушения во всех регионах. Стремление навести элементарный порядок с процедурами, сопровождавшими лишение прав, также не увенчалось успехом. Типичными практиками на протяжении второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. оставались: несвоевременное составление списков, отсутствие документального обоснования для лишения прав, несвоевременное рассмотрение жалоб и ходатайств о восстановлении в правах, отсутствие учета и небрежное ведение делопроизводства. Все это свидетельствовало о том, что реализация процедур, связанных с лишением прав, носила упрощенный характер, а восстановление в правах – сложный и запутанный, попасть в число «лишенцев» было значительно проще, чем добиться исключения из него.

Параграф 3.2 «Советский избирательный процесс: реализация форм и процедур» посвящен электоральным практикам, реализованным в ходе избирательных кампаний: применению производственно-территориального принципа при образовании избирательных участков, определению норм представительства, учету избирателей, оповещению населения и фиксации явки, выдвижению и голосованию за кандидатов на избирательных собраниях, подведению итогов выборов.

Выборы в Советы в послереволюционное двадцатилетие происходили в рамках трех сменившихся избирательных моделей. Избирательная модель, сложившаяся после революции, характеризовалась жестким давлением на население и вытеснением любой оппозиции. Избирательные собрания, проводившиеся в 1921–1924 гг., представляли собой набор формальных процедур, в активной реализации которых не были заинтересованы ни население, ни сами власти. В городах преимущественно реализовывался производственный принцип, собрания для «не организованных в профсоюзы» избирателей проводились только в части городов. Практика применения норм представительства до 1925 г. обнаруживает исключительное многообразие: повышение или понижение норм представительства в Советы и на съезды определялось местными исполкомами или избиркомами, которые стремились предоставить преимущество в нормах представительства членам профсоюзов, рабочим и красноармейцам.

Основным следствием сформированной избирательной модели в начале 1920-х гг. стала утрата властью поддержки населения и кризис легитимации политического режима. Осознание опасности утраты доверия населения на выборах высшим партийным и советским руководством страны, совпавшее с приобретением доминирующего влияния группировки в правящей партии, настроенной на расширение нэпа, привело к некоторой демократизации избирательного процесса. Проявив политическую гибкость, руководство страны однако жестко обозначило допустимые пределы этой демократизации, не предполагавшей участия прежних оппозиционных большевикам партий в выборах.

Избирательная модель во второй половине 1920-х гг. характеризовалась ослаблением партийно-государственного давления на население и введением ограниченной альтернативности, установлением единых норм и правил представительства и формирования избирательных единиц. Существенные изменения затронули все процедуры, реализуемые в рамках проведения избирательных собраний.

Обыденной практикой избирательных собраний в кампании 1925–1929 гг. стали многочасовые обсуждения докладов, наказов, кандидатур депутатов. Население стремилось к прямой коммуникации с властью в рамках избирательных собраний, задавая множество вопросов, высказывая критические замечания и предложения по изменению ситуации. Новой реальностью стал отказ

от формального полупринудительного голосования за заранее утвержденные списки кандидатов. Избиратели настаивали на индивидуальном выдвижении, активном обсуждении кандидатов. Запрос власти на сохранение реальной поддержки населения был исчерпан к концу 1920-х гг., когда власть с помощью нагнетания социального напряжения, прессинга на зажиточное крестьянство и непролетарское население в городах разрушила хрупкий компромисс, достигнутый во второй половине 1920-х гг., негативно повлияв на характер и формат проведения выборов в городе и деревне.

Политические и экономические изменения 1930-х гг. привели к формированию имитационной избирательной модели, характеризовавшейся жестким партийно-государственным диктатом, вытеснением любой альтернативности. Принципиальным отличием от предыдущего периода стала формализация избирательных процедур при внешней демонстрации высокого уровня поддержки власти населением. Совершенствование организационно-технических аспектов проведения избирательных собраний сопровождалось подавлением электоральных демократических элементов, свойственных выборам второй половины 1920-х гг. Модель проведения избирательных собраний в 1931–1934 гг. в значительной степени подготовила введение полностью безальтернативных советских выборов последующего периода.

В параграфе 3.3 «Методы и практики установления и поддержания политической монополии большевиков» характеризуется участие оппозиционных партий и кандидатов в советских выборах и потенциал политического протеста в избирательных кампаниях. Анализируется типология методов, используемых большевиками для установления политической монополии в послереволюционный период.

Удержание власти большевиками было одним из приоритетных направлений, определивших политическое развитие страны, потому вопросы взаимодействия с оппозиционными партиями имели первостепенное значение для большевиков. Для борьбы с оппонентами на выборах большевики использовали весь арсенал доступных им средств: административного давления, репрессивных и агитационно-пропагандистских методов.

Ключевая роль в ликвидации многопартийности отводилась репрессивным и агитационно-пропагандистским методам, которые не являлись методами, используемыми исключительно на выборах, однако оказывали на избирательный процесс значительное влияние. С помощью агитационно-пропагандистских методов большевики в официальных средствах массовой информации создали одиозный образ представителя оппозиционных социалистических партий, используя приемы манипулирования общественным сознанием, полностью дискредитировав эти партии в глазах населения. Репрессивные методы, включавшие широкий спектр мер давления (аресты лидеров, членов и сторонников партий, содержание в концлагерях и тюрьмах, административные ссылки и высылки, запрет на осуществление деятельности оппозиционных

партий, закрытие и ликвидация оппозиционных печатных органов), хотя и преследовали более глобальную цель – вытеснение оппозиции из политического пространства, делали участие оппозиционных партий в выборах практически невозможным.

Дополнительно к репрессивным мерам непосредственно на выборах использовались методы административного давления: ограничение предвыборной агитации, запреты на выступления ораторов от оппозиционных партий на избирательных собраниях, запрет на выставление списков оппозиционных кандидатов, принудительное переголосование. После окончательной ликвидации оппозиционных партий в Советской России в последующие избирательные кампании большевики активно использовали отработанный механизм против любых политических оппонентов: внутрипартийной оппозиции, нелояльно настроенного населения на выборах, любых форм политического представительства.

Несмотря на недовольство значительных групп населения (прежде всего крестьян, непролетарского населения городов, интеллигенции) складывающейся однопартийной диктатурой, экономической политикой, их протест не достигал уровня организации оппозиционных партий, готовых противостоять режиму, для их политической консолидации требовалось время и отсутствие репрессий со стороны власти.

Жесткий курс на сохранение однопартийной диктатуры и высокую степень солидарности руководства большевиков в вопросе сохранения политической монополии лишал идею демократизации советской политической системы, плюралистической системы сколько-нибудь реальных перспектив. Максимальное расширение политической демократии, на которое решилась власть на пике нэпа, – ослабление партийно-государственного давления на население. Оно предполагало ограничение административного давления на выборах на избирателей, расширение сотрудничества с непролетарскими слоями населения, конкуренцию на избирательных собраниях между кандидатами, утвержденными партийными комитетами, и кандидатами, выдвинутыми избирателями.

Параграф 3.4 «Практики кассации (отмены) выборов» посвящен реконструкции электоральных практик, связанных с кассацией выборов. Впервые в отечественной историографии проведен комплексный анализ реализации института кассации выборов, выявлены реакции населения, представителей местной и центральной власти на отмену выборов в различные периоды.

На практики, связанные с кассацией выборов, существенное влияние оказывала политическая конъюнктура, они были тесно взаимосвязаны с другими избирательными практиками. В послереволюционный период кассация выборов использовалась как дополнительный способ борьбы с оппозиционными партиями в случае победы списка кандидатов от оппозиционной партии. Однако из-за высокой конфликтности и сложности реализации кассация выборов и последующее переголосование применялись редко. После ликвидации

оппозиционных партий институт отмены выборов не находил практического применения.

Политические изменения конца 1924 г., приведшие к ограниченной демократизации советской избирательной системы, обозначили новый этап в применении института отмены выборов. Из полумертвого, практически не реализовывавшегося на практике института отмена выборов в декабре 1924 г. стала важным элементом новой модели взаимоотношений власти с населением на выборах. Итоги выборов 1924 г. были отменены частично или полностью в 39 губерниях и областях РСФСР, что крайне негативно воспринималось низовыми советскими и партийными работниками. Наиболее распространенной реакцией советского аппарата на местах стала растерянность, непонимание и отторжение нового курса. Городские и сельские избиратели, напротив, преимущественно позитивно восприняли отмену выборов. Массовая отмена выборов вызвала тысячи жалоб населения на прошедшие выборы и местный советский аппарат в высшие и центральные органы и советскую прессу. Избирательные собрания на повторных выборах весной 1925 г. отличались повышенной конфликтностью и активностью населения, стали способом снятия социальной и политической напряженности.

Анализ практики кассации выборов во второй половине 1920-х гг. демонстрирует, что причины массовой отмены выборов 1924 г. были исчерпаны. Трансформация избирательной модели привела к более свободному обсуждению и выдвижению кандидатов в депутаты, проблем и требований населения. Как следствие, отмены выборов стали единичными по основаниям административного давления и низкой явки. Вместе с тем к концу 1920-х гг. наметилась тенденция к использованию отмены выборов как инструмента давления на зажиточные слои деревни. В случае «проникновения» в Советы «социально чуждых элементов» отмена выборов служила способом обеспечения необходимых пролетарских составов Советов.

Эта тенденция получила развитие в 1930-е гг. Хотя отмены выборов в 1930-е гг. не приобрели массового характера, но любые организационные недостатки, действия или бездействия членов избиркомов, уполномоченных, советских, партийных работников и избирателей интерпретировались как сознательные враждебные действия, направленные на «подрыв советской власти» (с соответствующими последствиями, самыми мягкими из которых были выговоры для должностных лиц).

Четвертая глава «Электоральное поведение советских избирателей» состоит из двух параграфов и посвящена анализу динамики электорального корпуса и исследованию поведенческих стратегий на избирательных собраниях городских и сельских избирателей. Предложена классификация моделей электорального поведения советских избирателей с учетом особенностей проведения выборов рассматриваемого периода.

В параграфе 4.1 «Электоральное поведение горожан» реконструированы численность и структура групп городских избирателей, соотношение электоральных групп с профессиональными и социальными группами. Выявлены и охарактеризованы стратегии электорального поведения горожан при принятии решения об участии в выборах и голосовании за кандидатов, а также проанализированы политические представления и ценностные установки групп избирателей.

Анализ численности и структуры городского и сельского электората показал слабое отражение сущности социальных процессов в электоральной статистике. Проведение выборов в городах по производственно-территориальному принципу привело к искусственному конструированию электорального корпуса, выделению групп «организованных» и «не организованных в профсоюзы» избирателей, что имело мало общего с реальной социальной структурой городов 1920–1930-х гг. Организаторы выборов, стремясь выполнить директивные указания партийных органов, показывали большее число «организованных» избирателей, а среди последних – «рабочих». Наибольшую проблему представляет социальная идентификация конгломерата разнородных групп (от кустарей, учащихся до домохозяек), входивших в состав «не организованных в профсоюзы» избирателей и объединенных на избирательном собрании только местом проживания.

У рабочих и служащих, отнесенных к «организованной» части избирателей, соотношение моделей отличалось от остальных избирателей в пользу большего распространения лояльного электорального поведения. При этом, вопреки желанию власти, преобладающим вариантом проявления лояльного поведения рабочих и служащих стал не активизм, а конформистское поведение, обусловленное прагматичным подходом к реализации различных провластных инициатив, представлявшихся бессмысленными для большинства избирателей. Пассивные и протестные формы значительно реже характеризовали электоральное поведение «организованных» избирателей по сравнению с другими слоями населения (кроме послереволюционного периода).

Среди непролетарских слоев населения в первой половине 1920-х гг. доминировало пассивное электоральное поведение, выраженное в форме абсентеизма. Во второй половине 1920-х гг., в зависимости от социального состава горожан, в равной мере встречались пассивные и активные стратегии избирательного поведения: пожилые люди, домашние хозяйки придерживались преимущественно пассивного поведения, игнорируя выборы или занимая конформистскую позицию на собраниях. Среди более активной части непролетарского населения доминировали умеренные формы протестного поведения, не выходившие за пределы разрешенной властью активности: критическое обсуждение кандидатов, отчетов исполкомов, наказов, забаллотирования утвержденных списков кандидатов и поддержка кандидатов от избирательного собрания. Открытые протестные выступления на избирательных

собраниях с политическими и экономическими требованиями были редкими и зачастую провоцировались непродуманными действиями организаторов выборов.

В параграфе 4.2 «Избирательные стратегии сельского населения» проанализированы численность и структура сельского электорального корпуса, охарактеризованы особенности поведения селян на избирательных собраниях и представления о депутатах, выявлены общие и отличительные черты электорального поведения сельского и городского населения.

Электоральная статистика в деревне не отражала сущности социальных процессов, фактически лишь показывала крайнюю малочисленность избирателей (менее 5 %), основное занятие которых не связано с крестьянским трудом. Подавляющая часть избирателей в деревне (около 95 %) непосредственно занималась сельскохозяйственным производством.

На протяжении 1920-х гг. пассивное поведение в форме абсентеизма оставалось наиболее распространенным вариантом электорального поведения сельского населения. В первой половине 1920-х гг. значимой причиной абсентеизма являлся политический протест против административного давления. После массовой отмены выборов в декабре 1924 г. протестные настроения крестьян переместились на избирательные собрания, но среди женщин абсентеизм так и остался самым распространенным вариантом поведения в силу патриархальных традиций, нежелания вступать в конфликт с мужем или отцом и отсутствия интереса к политике.

Из активных стратегий электорального поведения крестьян наиболее распространенный вариант – конформистское лояльное поведение. Принципиальных различий по социальным группам крестьянства в проявлении конформистского поведения не наблюдалось. Для крестьян была характерна большая однородность интересов, их объединяло стремление к решению общих хозяйственных и экономических проблем и сформированные представления о кандидатах. Реализация конформистского лояльного поведения на собраниях крестьян во многом зависела от организаторов выборов, нарушение негласной формулы компромисса приводило к трансформации вполне лояльного поведения в протестное.

Протестные стратегии крестьян и непролетарской части горожан имели много сходного: в преобладающем большинстве случаев не выходили за границы, обозначенные властью, и выражались в забаллотировании утвержденного партийными ячейками списка кандидатов, выдвижении кандидатов от собрания и протестных требований к власти. Степень распространенности открытых протестных выступлений значительно преувеличивалась властью для нагнетания угрозы «классовой борьбы». Открытые протесты на выборах в деревне были достаточно редкими и чаще всего становились острой реакцией на несправедливое, по мнению зажиточных крестьян, лишение избирательных прав.

В заключении диссертации сделаны обобщающие выводы о типологических и сущностных особенностях раннесоветской избирательной системы.

Типология раннесоветской избирательной системы выходит за рамки устоявшихся представлений и является нестандартной для мировой практики. В законодательстве не содержится однозначного ответа о ее типе. Сложившаяся электоральная практика показывала преобладание выдвижения и голосования за списки кандидатов (пропорциональной системы). Исключением стали кампании 1925–1929 гг., когда избиратели выбирали индивидуальное голосование за кандидатов. Раннесоветскую избирательную систему условно можно отнести к пропорциональной с открытыми списками (с учетом существенных нюансов). Пропорциональное представительство использовалось при отсутствии в Советской России развитой партийной системы и избирательных округов, которые характерны для пропорциональной системы.

Оценка раннесоветской избирательной системы с позиции новаторства и преемственности отечественного электорального опыта и соотнесения его с тенденциями развития мирового опыта также выглядит неоднозначно. Уникальный характер советской системе придавало смешение традиционных (а зачастую архаичных) черт с новаторскими. Организация выборов по производственному принципу в городах (электоральное новаторство большевиков) успешно уживалась с вполне традиционными подходами – использованием цензов, непрямого и неравного представительства. Демократизация цензов в России выглядела революционно короткий период – до крушения империи после окончания Первой мировой войны, когда в большинстве европейских стран отсутствие имущественного и гендерного цензов стало обычным. Введение классового ценза осталось революционным новаторством, не востребованным мировым опытом. Непрямое и неравное представительство уже на момент введения в 1918 г. являлось откровенно устаревшим для мировых электоральных систем. В ключевом институте избирательных собраний воспроизводились архаичные черты избирательной системы, характерные для более ранних эпох развития государственных институтов. Раннесоветский электоральный опыт не был воспринят последующей отечественной избирательной системой, так и оставшись революционным экспериментом, и был мало востребован зарубежными избирательными системами.

В разные периоды участие в выборах наполнялось разным смыслом для их участников. В послереволюционный период – выбор близкой по убеждениям партии и кандидатов, выражение протеста против политического курса большевиков. После запрета оппозиционных партий и формирования практик, направленных на жесткое административное давление, для большинства избирателей выборы утратили смысл, поскольку превратились в форму государственной повинности и стали способом выражения лояльности

к большевикам для тех слоев, которые их поддерживали. Во второй половине 1920-х гг. основные смыслы участия населения в выборах заключались в коммуникации с властью, канализации недовольства, попытках реального представительства и решения через него хозяйственных и экономических вопросов. Выборы в первой половине 1930-х гг. утратили реальный смысл участия в них, став ритуализированной, имитационной формой волеизъявления населения, способом выражения лояльности к режиму.

Наиболее значимыми факторами, определившими формирование электоральной культуры, стало приобщение к политической жизни широких масс населения через наделение преобладающего большинства совершеннолетнего населения избирательными правами и регулярное проведение выборов. При этом обретение избирательных прав не всеми гражданами было осознано и востребовано, в первую очередь женщинами. Главным бенефициаром политической эмансипации в Советской России стала молодежь. Деформирующее воздействие на становление электоральной культуры советских избирателей оказывали монополизация власти большевиками и отсутствие политической конкуренции, умноженные на мощную советскую пропаганду. Все это искажало саму сущность институтов представительства и оказывало негативное воздействие на формирование политических представлений граждан.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

*Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК по специальности*

5.6.1 - Отечественная история

1. **Саламатова М. С.** Кампания 1930 г. по устранению нарушений избирательного законодательства в Западной Сибири // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – № 4 (66). – С. 93–101.

2. **Саламатова М.** Все – на выборы! Как избирали в Сибири в 1920-е гг. // Родина. – 2010. – № 1. – С. 102–103.

3. **Саламатова М. С.** Журнал «Власть Советов» – источник для изучения избирательных кампаний 1920–1930-х гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 10: История. – С. 52–58.

4. **Саламатова М. С.** Всероссийская центральная избирательная комиссия: истоки создания (1925–1926 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия История. – 2012. – № 7 (261), вып. 49. – С. 31–38.

5. **Саламатова М. С.** Избирательная кампания 1924 года в контексте становления советской избирательной системы // Вестник Новосибирского

государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 8. – С. 82–86.

6. **Саламатова М. С.** Всероссийская центральная избирательная комиссия: основные направления деятельности (1925–1929) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 105, № 3. – С. 126–137.

7. **Саламатова М. С.** Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 12–17.

8. **Саламатова М. С.** «На 20 рабочих – 120 попов...»: непролетарские слои населения на выборах в Советской России в 1920-е гг. // Quaestio Rossica. – 2016. – Т. 4, № 1. – С. 79–102.

9. **Саламатова М.** Российские и зарубежные избирательные цензы в первой трети XX в.: буква закона и реальность // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5, № 3. – С. 708–726.

10. **Саламатова М. С.** Отмена выборов 1924 года в Советской России: новые материалы и интерпретации // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 53–66.

11. **Саламатова М. С.** Отзыв депутата в Советской России: законодательство и практика реализации (1917–1936 гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 5. – С. 48–60.

12. **Саламатова М. С.** НКВД и ВЦИК: роль в организации избирательных кампаний в РСФСР (1917–1924 гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 5. – С. 46–60.

13. **Саламатова М. С.** Большевики и оппозиционные партии на выборах в Советы: способы формирования однопартийной политической системы (1918–1923) // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 2. – С. 50–68.

14. **Саламатова М. С.** Институционализация губернских избирательных органов в РСФСР (1918–1934 гг.) // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 291–301.

15. **Саламатова М. С.** Электоральный корпус советских городов: проблемы социальной идентификации и отражение в избирательной статистике 1920-х годов // Исторический курьер. – 2024. – № 1 (33). – С. 11–24.

16. **Саламатова М. С.** Трансформация научных подходов в новейшей отечественной историографии к изучению становления советской избирательной системы // Исторический курьер. – 2025. – № 1 (39). – С. 106–135.

Монография

17. **Саламатова М. С.** Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.): моногр. – Новосибирск: НГУЭУ, 2016. – 340 с. (19,7 п. л.).

Монография в соавторстве

18. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы): кол. моногр. / С. А. Красильников, Л. И. Пыстина, М. С. Саламатова [и др.]; отв. ред. С. А. Красильников. – 2-е изд. – М.: Росспэн, 2017. – 598 с. (в соавторстве 36,8/7,5 п. л.).

*Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов
и материалов конференций*

19. Саламатова М. С. Избирательные цензы в России в начале XX в. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ / отв. ред. В. В. Захаров. – Курск: КГУ, 2010. – Вып. 3. – С. 120–129.

20. Саламатова М. С. Советские правоведы об избирательном праве (1920-е гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ / отв. ред. В. В. Захаров. – Курск: КГУ, 2011. – Вып. 4. – Ч. 2. – С. 90–100.

21. Саламатова М. С. Адаптация «лишенцев» в советском обществе // История сталинизма: репрессированная российская провинция: мат-лы междунар. науч. конф. / под ред. Е. В. Кодина. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 563–571.

22. Саламатова М. С. Избирательные цензы в Советской России (1918–1936 гг.) // История, теория, практика российского права. – 2011. – № 8. – С. 111–122.

23. Саламатова М. С. Сельские «лишенцы» в Западной Сибири накануне и в начальный период коллективизации (социально-демографические характеристики) // История сталинизма: крестьянство и власть: мат-лы междунар. науч. конф. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 292–301.

24. Саламатова М. С. Прокуратура РСФСР в борьбе с нарушениями избирательного законодательства (1930 г.) // Законность. – 2012. – № 8. – С. 60–62.

25. Саламатова М. С. Участие красноармейцев в советских избирательных кампаниях (1920-е гг.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Третьей междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. В. Ефимов. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. – Ч. 3. – С. 135–147.

26. Саламатова М. С. Избирательная система Советской России 1918–1936 гг.: новые интерпретации // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12. – С. 1535–1542.

27. Саламатова М. С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. – 2013. – № 2. – С. 215–224.

28. Саламатова М. С. Электоральное поведение горожан в Советской России в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 2, № 3. – С. 72–85.

29. Саламатова М. С. Советская избирательная система 1918–1936 гг.: преемственность и новации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ / отв. ред. В. В. Захаров. – Курск: КГУ, 2013. – Вып. 6. – С. 142–163.

30. Саламатова М. С. Избирательные кампании 1920-х гг. в Новосибирске в контексте становления советской избирательной системы // Выборы на Новосибирской земле 1893–2013 гг. / отв. ред. А. А. Макарец. – Новосибирск: НГТУ, 2013. – С. 38–59.

31. Саламатова М. С. Жалобы на нарушения избирательного законодательства и порядок их рассмотрения в РСФСР в 1920-е гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. сб. науч. работ / отв. ред. В. В. Захаров. – Курск: КГУ, 2014. – Вып. 7. – С. 122–137.

32. Саламатова М. С. Нарушения избирательного законодательства в Советской России в 1920-е гг.: обращения граждан и порядок их рассмотрения // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 4 (36). – С. 112–116.

33. Саламатова М. С. Избирательные комиссии РСФСР (1918–1936 годы): особенности правового регулирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ / отв. ред. В. В. Захаров. – Курск: КГУ, 2014. – Вып. 10. – С. 58–76.

34. Саламатова М. С. Нормы представительства на выборах в РСФСР в 1920-е гг.: законодательство и практика реализации // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6. – С. 36–43.

35. Саламатова М. С. Всероссийская Центральная избирательная комиссия: первые страницы истории (1925–1926 гг.) // Избирательное право. – 2015. – № 2 (30). – С. 8–13.

36. Саламатова М. С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России (1918–1936 гг.): эволюция правового регулирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ / отв. ред. В. В. Захаров. – Курск: КГУ, 2015. – Вып. 10. – С. 117–136.

37. Саламатова М. С. Особенности правового регулирования деятельности избирательных комиссий в РСФСР в 1920-е гг. // Избирательное право. – 2015. – № 3 (31). – С. 13–18.

38. Саламатова М. С. Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. – 2016. – № 2 (28), т. 2. – С. 97–107.

39. Саламатова М. С. Институт отмены выборов в Советской России: особенности правового регулирования и практики реализации (1918–1936 гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2016. – № 16. – С. 79–97.

40. Саламатова М. С. Избирательные собрания в Советской России: особенности правового регулирования (1918–1936 гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. – № 2. – С. 104–122.

41. Саламатова М. С. Производственно-территориальный принцип проведения избирательных собраний в Советской России (1918–1936 гг.) // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. – Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – С. 150–169.

42. **Саламатова М. С.** Институт лишения избирательных прав в Советской России: от Конституции 1918 года к Конституции 1936 года // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2018. – № 3. – С. 122–140.

43. **Саламатова М. С.** Избирательная система России: от февраля к октябрю 1917 г. // Февраль 1917-го: уроки прошлого: мат-лы межвуз. науч. конф. / отв. ред. Д. М. Шиловский. – Новосибирск: НГУЭУ, 2019. – С. 59–75.

44. **Саламатова М. С.** Образование избирательных участков как стадия советского избирательного процесса (1918–1936 гг.) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / глав. ред. А. С. Смыкалин. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – Вып. 10. – С. 254–266.

45. **Саламатова М. С.** Реформа избирательной системы в Конституции 1936 года: новые материалы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 112–123.

46. **Саламатова М. С.** Сроки проведения выборов в советский период развития избирательного процесса (1918–1936) // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 3 (21). – С. 66–75.

47. **Саламатова М. С.** Многостепенные выборы в советской избирательной системе (1918–1936 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2022. – № 4. – С. 52–65.

48. **Саламатова М. С.** Трансформация принципов избирательного права в советских Конституциях (1918–1977 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 3. – С. 132–143.

Саламатова Марина Сергеевна

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РСФСР (1918–1936 гг.):
ИНСТИТУТЫ, МЕХАНИЗМЫ, ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Подписано в печать 30.06.2026. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,5. Тираж 150 экз. Издательство
Новосибирского государственного университета экономики и управления
«НИНХ», 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56